

ОДИССЕЙ



2010
2011

Школа и образование
в Сопотской школе в Польше и России

Дети, мастера и традиции
в программах для школьников и их
родителей

Арт-проекты и арт-инициативы
«Сфинксы» — Ольга Буркина

Семь Сидней в Нью-Йорке

ИЛКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛОВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИНКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь),
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.П. ГЛУШКОВА,
кандидат исторических наук С.Г. ЯКОВЕНКО

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989– .

2010/2011 : Школа и образование в Средние века и Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2012. – 000 с. – 15ВК 978-5-02-037561-1.

Альманах посвящен теме образования и религиозного воспитания в Европе от поздней античности до XX в. Разнообразные формы обучения и системы образования рассматриваются как один из важнейших инструментов формирования религиозной идентичности в европейском обществе. Рассматривается роль античной традиции в возникновении средневековой школьной системы в католическом и православном мире; исследуются проблемы национального и религиозно-конфессионального образования в странах Европы и Америки в Новое время. В разделе “Историк и изображения” публикуются статьи по средневековой иконографии. Другие разделы выпуска посвящены социальной истории, религиозной культуре средневековья и теории исторического знания. Большая часть материалов посвящена проблемам истории России, ее прошлому и актуальному настоящему.

Для историков, историков культуры, специалистов в области гуманитарного знания и более широкого круга читателей...

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037561-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2012
- © Лучицкая С.И., составление, 2012
- © Коллектив авторов, 2012. Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” разработка, оформление), 1989 (год основания, 2012
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 20102

СОДЕРЖАНИЕ

ШКОЛА И ОБРАЗОВАНИЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

О.В. Ауров

“IN OMNI TEMPORE PARATUS ESTO AD INSTRUCTIONEM”: СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ШКОЛЫ В КОРОЛЕВСТВЕ ВЕСТГОТОВ (VI–VII вв.).....

М.В. Рыбина

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ХРИСТИАН МУСУЛЬМАНСКОЙ КОРДОВЫ (IX ВЕК)

О.Е. Кошелева

ОБУЧЕНИЕ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ

Л.А. Пименова

МАГИСТРАТЫ ПРОТИВ ИЕЗУИТОВ: СПОРЫ О НАЦИОНАЛЬНОМ И РЕЛИГИОЗНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ВО ФРАНЦИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

И.М. Супоницкая

ДЖОН ДЫОУ И “НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК” СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ДВЕ УТОПИИ

Е.Ю. Рогачева

“НОВЫЕ ЛЮДИ ДЛЯ НОВОЙ ЭРЫ”: ВКЛАД ДЖОНА ДЫОУ В РЕАЛИЗАЦИЮ ИДЕАЛА “НОВОГО ЧЕЛОВЕКА”

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

А.Е. Махов

СТРУКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБРАЗА И ИЗОБРЕТЕНИЕ ПОЛИФОНИИ

Д.И. АНТОНОВ, М.Р. МАЙЗУЛЬС

ДЕМОНЫ, МОНСТРЫ И ГРЕШНИКИ: НЕГАТИВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИКОНОГРАФИИ.....

Ю.Ф. Игина

ИЗОБРАЖАЯ ВЕДЬМУ: ИКОНОГРАФИЯ ВЕДЬМ В АНГЛИЙСКОЙ ПАМФЛЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

В.Н. Малов

КРАХ ГЕРОИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА: “СОФОНИСБА” ПЬЕРА КОРНЕЛЛЯ.....

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Отто Герхард Эксле

“ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ” – ЕЩЕ НЕ ПОНЯТАЯ ИСТОРИЯ.....

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

О.В. Хаванова

ОБРАЩЕНИЕ В КАТОЛИЧЕСТВО КАК АРГУМЕНТ
В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.....

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Петер Динцельбахер

СУД ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И СУД ВСЕМИРНЫЙ.....

Жан-Клод Шмитт

СНЫ ГВИБЕРТА НОЖАНСКОГО.....

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Л.В. Вольфцун

МИХАИЛ ЭММАНУИЛОВИЧ ШАЙТАН ИЗ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГ-
СКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ 1920-Х ГОДОВ.....

ДЕЯТЕЛИ ИСТОРИИ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Л.Ф. Борусяк

“САМЫЕ ВЕЛИКИЕ...”

А.Г. Левинсон

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О СТАЛИНЕ (ПО МАТЕ-
РИАЛАМ ЛЕВАДА-ЦЕНТРА)

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

А.А. Панченко

КОММУНИСТЫ ПРОТИВ СУЕВЕРИЙ: СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И “НА-
РОДНАЯ РЕЛИГИЯ”

Д.М. Володихин

ЧТО ЛИКВИДИРОВАЛИ, КОГДА ОТМЕНИЛИ ОПРИЧНИНУ?

М.Ю. Зенченко

“...ХОТЯТ ТАТАРОВЕ ТАМГИ И ДЕСЯТИНЫ” (ПО ПОВОДУ СПОР-
НОСТИ БЕССПОРНЫХ МНЕНИЙ О “ТАТАРСКОМ НАСЛЕДИИ” НА
РУСИ)

ПУБЛИКАЦИИ

М.Ю. Неклюдова

**ИЗГНАННИК ИЗ XVII ВЕКА: ШАРЛЬ ДЕ СЕНТ-ЭВРЕМОН И ЕГО “БЕ-
СЕДА Г-НА МАРШАЛА Д’ОКЕНКУРА С ОТЦОМ КАНЕ”**

SUMMARIES

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

АЛЛА ЛЬВОВНА ЯСТРЕБИЦКАЯ (1932–2010)

CONTENTS

SCHOOL AND EDUCATION IN THE MIDDLE AGES AND MODERN TIME.

O.V. Aurov

“IN OMNI TEMPORE PARATUS ESTO AD INSTRUCTIONEM”: THE
MAKING OF THE CHURCH SCHOOL SYSTEM IN THE VISIGOTHIC
KINGDOM (6TH-7TH C.)

M.V. Rybina

RELIGIOUS EDUCATION AND THE SHAPING OF CONFESSIONAL
AND CULTURAL IDENTITY OF THE CHRISTIANS IN 9TH CENTURY
MUSLIM CORDOBA.....

O.Ye. Kosheleva

TRAINING WITHIN THE MEDIEVAL RUSSIAN ORTHODOX
TRADITION.....

L.A. Pimenova

MAGISTRATES VS. JESUITS: DISPUTES CONCERNING NATIONAL
AND RELIGIOUS/CONFESSIONAL EDUCATION IN THE MID-18TH
CENTURY FRANCE

I.M. Suponitskaya

JOHN DEWEY AND SOVIET RUSSIA'S 'NEW MAN': TWO UTOPIAS

E.Yu. Rogatchyova

'NEW PEOPLE FOR A NEW ERA': JOHN DEWEY'S CONTRIBUTION TO
THE IMPLEMENTATION OF THE 'NEW MAN' IDEAL.....

THE HISTORIAN AND IMAGES

A.Ye. Makhov

THE STRUCTURE OF MEDIEVAL IMAGES AND THE INVENTION OF
POLYPHONY.....

D.I. Antonov, M.R. Maizuls

DEMONS, MONSTERS AND SINNERS: NEGATIVE CHARACTERS IN
THE SPACE OF THE OLD RUSSIAN ICONOGRAPHY

Yu.F. Igina

DEPICTING A WITCH: THE ICONOGRAPHY OF WITCHES IN EARLY
MODERN ENGLISH PAMPHLETS

HISTORY AND LITERATURE

V.N. Malov

THE COME-DOWN OF HEROIC INDIVIDUALISM: PIERRE COR-
NEILLE'S SOPHONISBE.....

THE THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Otto Gerhard Oexle

'HISTORY OF CONCEPTS', A HISTORY YET TO BE CONCEIVED

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CONVERTING TO CATHOLICISM AS AN ARGUMENT IN THE LATE
18TH CENTURY HABSBERG MONARCHY

THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

Peter Dinzelbacher

THE FINAL JUDGMENT: PERSONAL AND GLOBAL

Jean-Claude Schmitt

GUIBERT OF NOGENT'S DREAMS

THE HISTORIAN AND HIS TIME

L.V. Volftsun

MIKHAIL EMMANUILOVICH SHAITAN. A CASE IN THE HISTORY OF
MEDIEVAL STUDIES IN ST. PETERSBURG IN THE 1920'S

HISTORICAL FIGURES AND MASS CONSCIOUSNESS

L.F. Borusyak

'THE GREATEST ONES'

A.G. Levinson

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION ON STALIN (BASED ON LEVADA-
CENTER SURVEYS)

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

A.A. Panchenko

COMMUNISTS AGAINST SUPERSTITIONS: THE SOVIET STATE AND
THE 'POPULAR RELIGION'

D.M. Volodikhin

WHAT WAS ELIMINATED AS THE OPRICHNINA WAS ABOLISHED?

M.Yu.I. Zenchenko

'... THE TARTARS DEMAND THE TAMGA AND THE TITHE': ON THE
DISPUTABILITY OF INDISPUTABLE OPINIONS CONCERNING THE
'TATAR LEGACY' IN THE OLD RUS

PUBLICATIONS

M.S. Neklyudova

EXILED FROM THE SEVENTEENTH CENTURY: CHARLES DE SAINT-ÉVREMOND AND HIS CONVERSATION DU MARÉCHAL D'HOCQUINCOURT AVEC LE PÈRE CANAYE.....

SUMMARIES

IN MEMORIAM

Alla L'vovna Yastrebitskaya (1932–2010)

Л.В. Вольфцун

МИХАИЛ ЭММАНУИЛОВИЧ ШАЙТАН из истории петербургской медиевистики 1920-х годов

К началу 20-х годов петербургская медиевистика была представлена такими именами, как И.М. Гревс, О.А. Добиаш-Рожественская, Л.П. Карсавин и А.Г. Вульфius. У каждого из них были ученики и последователи, что, казалось бы, должно было обеспечить преемственность и развитие научных традиций. Однако в силу разных причин этот научный потенциал не был реализован. Многие талантливые историки, блестяще начинавшие свой путь, безвременно ушли из жизни, и сейчас их имена практически неизвестны.

Одним из молодых медиевистов, на которого возлагались особенно большие надежды, был Михаил Эммануилович Шайтан (1895–1926). Его студенческие и аспирантские штудии выявили в нем глубокого исследователя, сумевшего за короткий срок вырасти в разностороннего и оригинального ученого. После него остались всего лишь две опубликованные статьи, но до сих пор они не утратили своей научной ценности, о чем свидетельствуют неоднократные обращения к ним историков более позднего времени, в том числе и современных¹. Остальные его работы, судя по всему, пропали. Личная трагедия оборвала жизнь Шайтана, и память о нем почти исчезла. Уже не осталось людей, которые бы помнили его: только крохотные разрозненные упоминания в материалах современников да окрашенные романтическим ореолом устные рассказы ушедших медиевистов. Попыткой хотя бы эскизно восстановить историю его жизни является эта статья.

Михаил Эммануилович Шайтан родился 8 июля 1895 г. в Евпатории в состоятельной караимской семье потомственного почетного гражданина Эммануила Авраамовича Шайтана и его жены Назлы Исааковны². Представители этой семьи жили в разных крымских городах, вели коммерческую деятельность, занимали выборные должности и принимали активное участие в де-

лах караимской общины. Рано потеряв отца (уже в 1896 г. мать Шайтана фигурирует в документах как вдова), он получил образование сначала в Евпатории, а затем в знаменитой на весь Крым классической гимназии Симферополя, которую окончил в 1914 г. В том же году он поступил на Историко-филологический факультет Петроградского университета.

Время его появления в Петербурге совпало с началом Первой мировой войны, вновь всколыхнувшей общественную атмосферу. С первых лет XX в. российское общество вступило в эпоху социально-политических потрясений, порождавших обстановку тревоги, неопределенности, ожидания перемен. Культура, чутко отражавшая дух времени, отличалась особой изысканностью, порой граничившей с надломом. В образованной среде усилился интерес к проблемам философии и религии. Изучение духовной жизни прошлого стало преобладать и в исследованиях корифеев петербургской медиевистики, особенно Л.П. Карсавина³, исторические труды которого⁴ почти в равной мере можно отнести к области религиозно-философской мысли. Видимо, под его влиянием сформировался основной круг научных интересов и взглядов Шайтана. Под руководством Карсавина он стал изучать религиозные движения в Германии XIII в., в частности деятельность и идеи, проповедуемые Мейстером Экхартом и “друзьями Божиими”. Свои рассуждения и выводы он изложил в 1916 г. в студенческой работе о Кельнском кружке мистиков. В 1917 г. Шайтан окончил университет с дипломом I-й степени и 18 ноября того же года на заседании факультета был оставлен при кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию сроком на два года без стипендии.

Вероятно, в годы учебы в университете Шайтан познакомился со своей будущей женой, племянницей И.М. Гревса Ниной (1890–1926), дочерью его младшего брата Дмитрия Михайловича. Отношения в семье Гревсов отличались сложностью. Иван Михайлович был близок с сестрой, но почти не поддерживал связей с братом. Дмитрий Михайлович обладал совершенно другим темпераментом и восприятием жизни и был, как писал И.М. Гревс, “чужд и далек всему, что особенно важно и ценно мне...”⁵ Еще совсем молодым он выбрал для себя военную карьеру, которая больше соответствовала его натуре, и служил в драгунском полку. Детство Нина провела в имении отца в слободе Волоконовка Бирюченского уезда Воронежской губ. и в Лутвиново у тетки, Елизаветы Михайловны Гревс (1864–1917), принимавшей уча-

стие в ее воспитании. По окончании с золотой медалью в 1908 г. 2-й харьковской женской гимназии она поступила на историко-филологическое отделение Петербургских Высших женских Бестужевских курсов, которые окончила в 1915 г. по двум специальностям – всеобщая история и общее языкознание. Тогда же она начала давать частные уроки, а с марта 1917 г. – преподавать историю в коммерческом училище, позже в 156-й советской школе 2-й ступени. В свободное от службы время Нина Дмитриевна продолжала научные занятия, которые были связаны с изучением средневековой Италии, и подготовила статью “Социальное движение в Милане в XI–XII вв.”.

В 1916–1918 гг. она вместе с другими медиевистами, в числе которых был М.Э. Шайтан, принимала участие в семинарии Карсавина, посвященном переводу “Откровений блаженной Анджелы”, который он готовил к печати. Эта книга должна была стать первой в задуманной им серии “Библиотека мистиков”. Карсавин полагал, что “лучший путь к ознакомлению с мыслью прошлого – она сама. Всякая попытка передать ее своими словами, попытка в известном отношении необходимая и желательная – иначе как бы в нас жило и развивалось прошлое? – уже искажение этой мысли, ее индивидуализация, закрывающая доступ ко многим ее глубинам. И эти соображения в особенности применимы к своеобразной и темной мистической мысли, часто говорящей не столько понятиями и словами, сколько образами, символами, неуловимой гармонией слов”⁶. К работе над переводом и к обсуждениям текста он привлекал своих учеников. О тех днях Карсавин писал: «Считаю также приятным своим долгом выразить большую благодарность работавшим у меня в частном кружке над изучением “Жития Анджелы” В.В. Вейдле, Н.Д. Гревс, В.М. Кремковой, К.А. Нилус, Б.В. Погожему, К.К. Соловьеву и М.Э. Шайтану. Наши беседы останутся одним из лучших моих воспоминаний, и надеюсь, что участники их легко найдут следы своих замечаний в моей работе, которая в значительной степени была нашим общим делом...»⁷. Совместная работа и общие научные интересы в немалой степени способствовали знакомству и сближению молодых людей. Из сохранившихся архивных документов видно, что в 1917, 1918, 1922 гг. Шайтан ездил в отпуск в Курск и Волоковку⁸.

Нам неизвестно точно, когда именно и при каких обстоятельствах М.Э. Шайтан уехал из Петрограда в Симферополь, вероятнее всего летом или осенью 1918 г. Обстановка в Крыму, который

был одним из последних оплотов сопротивления новой власти, достаточно хорошо известна по литературе и многочисленным воспоминаниям. Власть переходила от красных к белым и наоборот: на смену краевому правительству кадета С.С. Крыма в апреле 1919 г. пришла Крымская Советская республика, павшая вскоре под ударами армии генерала Деникина. До ноября 1920 г. просуществовало правительство Юга России генерала Врангеля, к концу 1920 г. на полуострове установилась советская власть. Гражданская война сопровождалась чудовищными жестокостями с обеих сторон. Евпатория тоже стала ареной боев, именно там произошли кровавые события 1918 г., известные как “евпаторийская резня”. Как все эти события коснулись семьи Шайтана, что случилось с его родственниками, чем занимался он сам в это время – установить не удалось. По словам И.М. Гревса, в Крыму Шайтан много времени уделял преподаванию и “все свободные минуты посвящал исследовательской работе над тем материалом, какой был доступен на месте: изучению русских летописных сводов”⁹.

Вернувшись осенью 1921 г. в Петроград по командировке Крымнаробраза, Шайтан был выдвинут Л.П. Карсавиным в число штатных научных сотрудников 2-го разряда (что соответствовало современному аспиранту) Исторического научно-исследовательского института при Петроградском университете и с 1 июля 1922 г. утвержден в этой должности.

Помимо подготовки к магистерскому коллоквиуму, назначенному на весну 1923 г., основные занятия Шайтана сосредоточились на изучении средневековой философии. Под руководством Л.П. Карсавина он продолжил начатые в студенческие годы исследования по истории мистики XIII–XIV вв. Изучение, с одной стороны, доминиканско-бегинской мистики (на основе фландрской и германской агиографической литературы, сочинений Мейстера Экхарта, “друзей Божьих”, бегинок) и с другой – францисканских легенд и житий (в частности Маргариты Кортонской), привело его к мысли о том, что при всех различиях этих двух направлений в них присутствовал значительный элемент неоплатонической традиции, наиболее ярко представленный в системе Иоанна Скотта Эриугены. В отчете о сделанной работе Шайтан писал, что при повторном чтении и текстуальной интерпретации труда Эриугены “О разделении природы” (“*De divisione naturae*”) “означенный трактат был переведен совместно с проф. Л.П. Карсавиным на русский язык (а именно – мне принадлежащий пере-

вод IV и V книг – около 12 печ. листов) и под его же редакцией подготовлен к печати”¹⁰.

Изучая сочинения Отцов церкви Востока и Запада (преимущественно Псевдо-Дионисия, Оригена, Григория Нисского, Максима Исповедника, Августина и Амвросия Медиоланского) и источники, использованные для “*De divisione naturae*”, он сделал несколько конъектур к текстам Эриугены в издании Миня¹¹, а также составил критический указатель цитат с учетом ранее сделанных переводов.

Совместная работа Шайтана с Карсавиным была прервана летом 1922 г. Как известно, в августе Л.П. Карсавин был арестован и в ноябре наряду с другими видными представителями русской гуманитарной интеллигенции выслан за границу. М.Э. Шайтан продолжал занятия самостоятельно, а его научными консультантами стали И.М. Гревс и О.А. Добиаш-Рождественская. Центральное место в его исследованиях отводилось изучению философской системы, а также биографии Иоанна Скотта. «По установлении хронологического порядка сочинений Иоанна Скотта, равно как и их внутреннего содержания, выяснилось основное значение для развития системы трактата “*De praedestinatione*” [“О предопределении”], связанного с юридическими спорами, что в свою очередь, побудило подробнее заняться в связи с проблемой свободы и предопределения общей богословской литературой IX в.»¹², – писал в отчете Шайтан. Тщательное ознакомление с теологическими трактатами, актами церковных соборов, письмами папы Николая I и епископа Хинкмара привело Шайтана к выводу о том, что уже в IX в. шла острая борьба между двумя направлениями богословской мысли – универсализмом и партикуляризмом. “Таким образом, удалось ослабить значение литературных влияний и установить более ясно культурно-историческую окраску системы, равно как и изменить общепринятое доселе в научной литературе понимание учения Скотта о разуме и авторитете равно, как и утверждение о его мнимом пантеизме и рационализме”¹³, – писал Шайтан. Свои наблюдения и соображения он изложил в докладе “Развитие понятия свободы в учении Иоанна Скотта”, который сделал 18 мая 1923 г. в заседании секции истории Средних веков Исторического научно-исследовательского института. Одновременно он подготовил материалы к статье “Проблема свободы в богословии и церковной жизни IX-го века”.

Итоги исследований молодого ученого были высоко оценены И.М. Гревсом, который писал: “М.Э. Шайтан основательно и

глубоко работал над духовною культурою средневековья, обнаруживая значительные, похвально развивающиеся знания, твердую последовательность и выдающиеся способности. Институт может видеть в нем надежную ученую силу. Занятия его безусловно высоко удовлетворительны»¹⁴.

Помимо занятий основной темой Шайтан продолжал подготовку к коллоквиуму, план которого был разработан им совместно с О.А. Добиаш-Рождественской и И.М. Гревсом и утвержден Советом Института в феврале 1923 г. В него был включен еще один дополнительный вопрос по средневековой истории – организация муниципального строя в англо-французских доменах XIII–XIV вв. В качестве источников Шайтан взял хартии городов, в частности “Руанские установления”, а также исторические труды О. Тьерри, А. Люшера, А. Пиренна и Н. Оттокара. В число вопросов, не относившихся непосредственно к специальности, вошли следующие: об иконоборчестве в Византии; служилом землевладении в Московском государстве XVII в.; рейнской границе в I в. и социально-политических реформах в Пруссии в начале XIX в. О них можно было бы не упоминать, если бы Шайтан не только блестяще их подготовил, но и провел по каждому настоящие исследования. В июне 1923 г. О.А. Добиаш-Рождественская, которая отличалась большой взыскательностью и строгостью, писала: “Самый отчет М.Э. Шайтана достаточно свидетельствует о глубине и своеобразном его подходе к проблемам, взятым им, как предмет специального изучения. Многократные беседы (...) с ним в приватном порядке, в совместных занятиях и работе секций Исследовательского Института, ближайшая и детальная проверка того большого содержания знаний и исследований, которые стоят за данным отчетом, показали какая значительная и оригинальная научная сила скрывается в авторе отчета. Превосходно знакомый с литературой из данных вопросов, владеющий детальным знанием памятников, для всех проработанных им вопросов он имеет свои оригинальные, глубоко обоснованные ответы. При весьма разнообразном содержании охваченных им тем: от легенд о святых и философии средневековых платоников до рейнской границы и руанских городских хартий – он сумел твердо и по своему овладеть рядом сложных проблем и может быть квалифицирован как готовый историк и глубокий самостоятельный исследователь средневековья”¹⁵.

К ее отзыву присоединился Гревс, который со своей стороны отметил “прекрасное соединение в подготовке и эрудиции

М.Э. Шайтана богатой и разнообразной идейности и осторожности и твердости критического подхода, тонкости исследовательских заданий и приемов”¹⁶.

В 1924 г. ученики И.М. Гревса, чтобы “почтить, по добром обычаю, своего учителя хотя бы скромным даром оригинальных научных работ, вышедших – в широком смысле – из его школы”¹⁷, стали готовить сборник посвященный 40-летию его научно-педагогической деятельности. В нем приняли участие Г.П. Федотов, М.А. Гуковский, А.И. Хоментовская, М.А. Тиханова-Клименко, Н.П. Анциферов, С.А. Ушаков, В.В. Бахтин, О.А. Добиаш-Рожественская, Е.Ч. Скржинская, А.Д. Стефанович (Люблинская) и М.Э. Шайтан. Этот дар учеников учителю стал уникальным памятником, где под одной обложкой были собраны труды почти всех их (кроме Л.П. Карсавина и Н.П. Оттокара, которых уже не было в России). Вскоре уехал за границу Федотов, в 1928 г. были арестованы и отправлены в Соловки Анциферов и Бахтин, немного позже высланы Хоментовская и Ушаков, расстрелянный в 1938 г. Из младшего поколения участников этой книги научную деятельность в качестве медиевистов смогли продолжить Гуковский, Люблинская, Скржинская. (Тиханова-Клименко переключилась на сюжеты из археологии и русской истории.)

В этом сборнике была опубликована блестящая статья М.Э. Шайтана “Ирландские эмигранты в средние века”¹⁸. С самого начала автор подчеркивал, что речь в ней идет не о движении пилигримов, а о самой настоящей вынужденной эмиграции. Особенно пронзительно звучат слова из старинного ирландского канона, приведенные им в эпиграфе, слова, которые, несомненно, вызывали отклик и у его современников: “Просвещать родину или покинуть ее? Сначала нужно стараться учить на родине, по примеру Господа, но, если это бесполезно, лучше покинуть ее, по примеру апостола”¹⁹. Говоря о широкой культурной деятельности ирландцев на континенте, он отмечал, что и сама родина эмигрантов, еще дикая и варварская, стала восприниматься в Европе как “*insula sanctorum et doctorum*”. По словам Шайтана, “в приготовленных, но еще ненапечатанных работах автора была сделана попытка синтетической оценки культурной жизни этой эпохи, а в связи с нею – выяснения доли участия ирландских эмигрантов в политической борьбе”²⁰. Ограниченный тематическими рамками сборника, он дал яркий очерк быта ирландских беженцев на протяжении VI–XII вв. и проследил эволюцию нескольких волн эмиграции. Первыми эмигрантами были монахи, чей “аскетизм

и научное усердие” не находили отклика в суровой стране. «Не только жажда применения своих неиспользованных сил и благочестивое рвение, но и внешнее давление побуждало ирландцев покидать родину для новой, обетованной земли. Искали “пустыню за морем” (житие Колумбана), а становились миссионерами и просветителями еще полуязыческой, но культурно более восприимчивой Европы»²¹.

В период относительно спокойной ситуации в Ирландии (вторая половина VII–VIII в.) эмиграция, по мнению Шайтана, значительно сократилась. Опустошительные набеги викингов с конца VIII в., разрушение и уничтожение крупнейших очагов ирландского просвещения вызвали «великий исход ирландских ученых. “Почти вся Ирландия, презирая опасности мореплавания, с целыми стаями философов плывет к нашим берегам (Эйрик Оксерский)”»²². (Невольно возникают аллюзии с “философскими пароходами”, на одном из которых в вынужденную эмиграцию отправился Карсавин.) Свои знания и редкие древние рукописи они продавали за пищу, одежду и крышу над головой. Жизнь изгнанников была тяжела и опасна. Шайтан приводит красочные цитаты с описаниями мытарств странников, их бесприютного быта, сложных отношений с континентальными коллегами, видевшими в них конкурентов. Светские государи и князья церкви пытались обеспечить эмигрантам элементарные права, что в реальной жизни почти не удавалось, пока с середины IX в. для них не стали создавать “места компактного проживания” – монастыри и госпиции.

Но уже с X в. новая эмиграция сильно отличалась от предыдущей. Постепенная христианизация норманнов и общее понижение образованности в Ирландии сглаживали резкие различия между завоевателями и оставшимися представителями ирландской культуры. В этот период ирландцы отправлялись в Европу по большей части как предприниматели. Свои торговые пути они направляли в основном туда, где уже существовали ирландские монастыри и поселения. В X–XI вв. это были прирейнские земли – Регенсбург, Бамберг, Вюрцбург, Нюрнберг и т.д. В XII в. в Европе уже существовала влиятельная конгрегация ирландских монастырей с капитулом в Регенсбурге. Но, несмотря на это, отличительной чертой ирландских монахов оставалась тяга к странствиям. Они предлагали свои услуги богатым покровителям как умелые писцы и компиляторы, нередко выполняли дипломатические поручения, особенно в эпоху императора Генриха IV. Завер-

шая свой этюд о средневековой ирландской эмиграции в Европу, Шайтан отмечал, что со временем ее высокая культурная роль почти утратилась и к началу XIII в. она оказалась в состоянии “полного упадка и разложения”²³.

С проблематикой этой статьи связана и другая работа М.Э. Шайтана “Германия и Киев в XI в.”²⁴, которая, казалось бы, очень далека от темы ирландской эмиграции. Изучая западные средневековые памятники, он обнаружил в них много материалов, важных для истории культурных и политических связей Киевской Руси и Западной Европы. Особенно богат и интересен в этом отношении XI в., время сыновей и внуков Ярослава Мудрого. Продолжая линию исследований В.Г. Васильевского и М.Д. Приселкова, Шайтан сумел, с точки зрения медиевиста-западника, несколько иначе осветить проблему и уточнить ряд фактов. Сложные отношения с Византией отразились “в западной политике Ярослава попыткой возобновить сношения с Германией, следы которой, до сих пор почти не замеченные в науке, сохранились в анналах Ламберта”²⁵. Свою роль сыграла и борьба с Польшей, для которой русские князья пытались найти союзников в Германии. С середины XI в. начинается “расцвет непосредственных – и, несомненно, независимых от византийской дипломатии – сношений Киева с Западной Европой”²⁶. О киевском князе Всеволоде, сыне Ярослава Мудрого и дочери шведского короля Ингегерд (Ирины), Шайтан писал: «Брат французской королевы, свекор принцессы английской, зять византийского императора и тесть одного из князей Германии, он энергично поддерживал свои дипломатические связи в Европе и, как сообщает его сын, “дома сидя, изуменяше пять язык” – конечно, не ради одной любознательности»²⁷. Со стороны западных суверенов, особенно Германии, также существовал интерес к Киевской Руси как к потенциальному союзнику в политических комбинациях. Сложные отношения внутри Священной Римской империи, постоянная конфронтация с папским престолом, частые конфликты с западнославянскими государствами побуждали императора Генриха IV к укреплению контактов с Киевом, а роскошь и обилие товаров восточного и византийского происхождения привлекали туда западных купцов. Торговые отношения были интенсивными, и основным их центром на Западе стал Регенсбург, где в XI–XII вв. образовалась даже особая корпорация купцов, торгующих с Русью, – “русариев”.

Как известно, классической формой осуществления феодальной дипломатии являлись династические браки. Император

женился вторым браком на дочери Всеволода, вдове саксонского маркграфа Генриха Штадена, Евпраксии. “Вступая в брак с Евпраксией, Генрих надеялся дополнить (или вернее – сделать реальным) этот политический союз церковным соглашением и укрепить влияние (...) Признание Востоком антипапы, поставленного императором, должно было нанести смертельный удар Урбану II – не только в его восточной политике, но и на Западе; император явился бы в глазах всего мира не еретиком, а поборником истинной веры и церковного единства”²⁸. В Киев было доставлено послание антипапы Климента III с предложением унии, на которое был дан вежливый, но решительный отказ. “В условиях схизмы и повсеместной борьбы церковных и политических партий, дипломатические поручения, даже не столь ответственные, окружались глубокой тайной, и путешествие послов было делом нелегким. Хроники конца XI в. полны записей о подобных трудностях: обычно прибегали к одежде пилигрима”²⁹.

Шайтан обстоятельно и детально обосновывает выдвинутое уже в предыдущей статье предположение, что посланником Генриха IV был ирландский монах из Регенсбурга: “Муж многоопытный и в делах весьма искусный, по имени Маврикий, один, в сопровождении мальчика, водимый благодатью св. Духа, глухими дорогами прибыл к русскому князю”³⁰. По мнению автора, ирландцы были также священнослужителями в тех киевских церквях, где для западной колонии велось богослужение по латинскому обряду, и способствовали их возведению. Шайтан выдвинул предположение о том, что при участии ирландцев в начале XII в. в Киеве была построена церковь Девы Марии. Присутствие ирландских монахов в Киеве прослежено им до татарского нашествия в 1242 г. Можно предполагать, что эти две статьи М.Э. Шайдана были частью задуманного им большого труда.

С середины 1920-х годов в Советской России началась кардинальная реорганизация высшей школы. Факультет общественных наук (ФОН), возникший вскоре после революции на базе историко-филологического, был в 1924/25 г. преобразован в факультет языка и материальной культуры (ЯМФАК), и многие исторические дисциплины были исключены из университетских программ. Кафедра всеобщей истории фактически подверглась упразднению до 1934 г. и лишь в очень усеченном варианте сохранялась в ЛГУ до 1929 г. в виде кабинета вспомогательных исторических дисциплин, основанного в 1920 г. О.А. Добиаш-Рождественской. Историки искали работу в библиотеках, школах и музеях, а зани-

маться наукой могли лишь в свободное от службы время. Возникли кружки, в том числе на домах у И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рождественской, где проходили private семинарские занятия. В конце 1920-х годов все эти кружки рассматривались властями как подозрительные контрреволюционные собрания, и многие их участники были арестованы³¹. Среди них была и А.Д. Люблинская, которая на допросе в ОГПУ об участниках кружков, ответила: “Позднее я с ними встречалась в квартирах Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской и Шайтана, где собирались ученики Гревса и Рождественской для чтения и обсуждения своих трудов (...) В кружке Ольги Антоновны состояли следующие лица: 1) Гукровский, 2) Ольга Антоновна сама, 3) Гревс, 4) Шайтан, 5) Пигулевская, 6) я и 7) мой муж Владимир Сергеевич, 8) Бахтин Всеволод, 9) Ушаков, других я не помню”³².

Одновременно с научными занятиями М.Э. Шайтан преподавал историю на рабфаках Петроградского университета, Технологического института, Института инженеров путей сообщения, в 14-й сов. трудовой школе Выборгского района, а затем в знаменитой школе № 157 в Финском переулке, д. 5. Созданная в 1906 г. как Выборгское коммерческое училище, она с самого начала была основана на демократических принципах и ориентирована на формирование широкообразованной, культурной и самостоятельной личности. Первым ее директором до своей смерти в 1925 г. был выдающийся педагог П.А. Герман, а в разработке устава и учебных программ принимали участие И.М. Гревс и О.А. Добиаш-Рождественская. В этой школе, где когда-то учились дети П.Н. Милюкова, П.Б. Струве, А.Е. Преснякова, племянник Веры Фигнер и др., были свои традиции и особая атмосфера. Сохранились воспоминания ее выпускников 20-х годов, в числе которых были чемпион мира по шахматам М.М. Ботвинник, историки Т.Н. Книпович, В.Р. Лейкина-Свирская, Б.Ф. Поршнев, Л.Л. Раков, писатель Л.В. Успенский, хореограф, основательница ансамбля “Березка” Н.С. Надеждина (дочь писательницы А.Я. Бруштейн), литературовед Е.Р. Малкина, искусствовед А.Е. Кроль, художник Г.М. Неменова. Среди преподавателей со стажем и совсем молодых было много увлеченных и незаурядных людей. В. Р. Лейкина-Свирская вспоминала, что в 20-е годы в школу пришли талантливые историки М.Э. Шайтан и С.И. Тхоржевский: “Большим авторитетом пользовался Михаил Эммануилович Шайтан. Он умел внушить строгую дисциплину без наказаний. Однажды он провел беседу с XVI выпуском, убедив учеников нико-

гда не списывать и не подсказывать – такое постановление было принято самим классом”³³. Знаменитый шахматист Михаил Ботвинник также запомнил своего преподавателя: “Учитель истории Михаил Эммануилович Шайтан, лет 28, стройный, черноглазый, носил неизменные синие брюки и френч. Историю знал блестяще, характер имел жесткий, его побаивались...”³⁴. Жена Г.П. Федотова Елена Николаевна отмечала в своих воспоминаниях: «Когда всеобщая история была отменена в средней школе, он ухитрился под видом “истории труда” читать древнюю историю, в которую включал историю первохристианства. Обаяние его было так велико, что до его преждевременной кончины в 1926 г. доносов на него не поступало»³⁵. Сам же Шайтан о своей преподавательской деятельности говорил, что она послужила для него поводом к пополнению исторического образования и изучению научно-исторической и методической литературы.

С декабря 1922 г. по апрель 1923 г. М.Э. Шайтан состоял также временным сотрудником Российской Публичной библиотеки. Тогда же в Историческое отделение Библиотеки поступила на работу Нина Дмитриевна Гревс, ставшая к этому времени его женой³⁶. Как и он, Нина Дмитриевна была аспиранткой, т. е. сверхштатным научным сотрудником II разряда в Институте им. А.Н. Веселовского при Петроградском университете (позже Институт сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока) по секции общего языкознания, которую возглавляли Л.В. Щерба и Н.Я. Марр³⁷. Ею были написаны статья “О синонимах в славянском” и составлена часть грузино-русского словаря к трудам Григория Хандзели. Работая в Библиотеке, она была знакома с поэтом и переводчиком М.Л. Лозинским, возглавлявшим в то время Отделение изящных искусств и технологии. Вероятно, именно он привлек ее к заключительному этапу перевода “Орлеанской девственницы” Вольтера: она перевела “Предисловие отца Апулея Ризория бенедиктинца” и примечания Вольтера³⁸.

В 20-е годы Публичная библиотека переживала период особого интеллектуального расцвета. В ней, в силу самых разных причин, оказались собраны не только образованные и культурные люди, но и выдающиеся ученые – филологи, историки, ориенталисты, философы, юристы, искусствоведы³⁹. В связи с возвращением Польше по условиям Рижского мирного договора 1921 г. вывезенных некогда из нее книг и рукописей, в Библиотеку было привлечено много учеников О.А. Добиаш-Рождественской. Знание языков, навыки палеографии и хорошая ориентация

в средневековой западной культуре позволили использовать выпускников университета для разбора, описания и изучения старинных книг и рукописей. В числе пришедших в Библиотеку в 1922–1923 гг. вместе с О.А. Добиаш-Рождественской молодых медиевистов были В.В. Бахтин, С.А. Ушаков, М.А. Гуковский, А.Д. Стефанович (Люблинская), В.С. Люблинский, Е.В. Мочан, М.Э. и Н.Д. Шайтан. Еще раньше здесь работали старшие ученики И.М. Гревса – Н.П. Анциферов, Л.И. Олавская, Г.П. Федотов и его жена Е.Н. Нечаева (Федотова).

Вероятно, не случайно в среде сотрудников Публичной библиотеки зародилось религиозно-философское общество, известное как “Воскресение”. Основу его, особенно на первых порах, составляли служившие в Библиотеке А.А. Мейер, Н.В. Пигулевская, Г.П. Федотов, Н.П. Анциферов. Со временем на собраниях “Воскресения”, кто чаще, кто реже, стали появляться и их более молодые коллеги – В.В. Бахтин, М.А. Гуковский, Люблинские, А.И. Доватур, а также знакомые – М.В. Юдина, В.П. Герман и др. Истории общества “Воскресение” в последние годы уделено много внимания, появились даже публикации отрывков из следственных дел. Из них становится понятен состав участников и трансформация общества, разбившегося на несколько кружков. Шайтан, который к тому времени крестился⁴⁰, по словам Е.Н. Нечаевой, не имел непосредственного отношения к кружку, хотя принимал участие в собраниях. Видимо проблемы духовных исканий волновали М.Э. Шайтана не только в историческом аспекте.

Бывал он и на заседаниях кружка “молодых историков” и чаще всего вместе с Верой Петровной Герман (1902–1942), старшей дочерью П.А. Германа. Они вместе работали в школе, вместе по вечерам были заняты разбором Шереметевского архива, в котором принимали участие ученики профессора А.И. Заозерского. Возможно, их коллегиальные и дружеские отношения переросли в нечто большее, возможно Нина Дмитриевна что-то почувствовала и поняла. Можно только предполагать. Фактом же является то, что 29 апреля 1926 г. она покончила с собой, отравилась. Смерть ее потрясла Михаила Эммануиловича, и через несколько дней он также покончил с собой. Странно, но никаких отголосков об этом событии не сохранилось ни в архиве Гревса, ни в архиве Добиаш-Рождественской, как будто все решили молчать и не тревожить их память. Только М.М. Ботвинник написал в своих воспоминаниях: “Вдруг он исчез: девочки шепотом рассказывали, что он влюбил-

ся в одну из дочерей П.А. Германа, но запутался в своих переживаниях и, бедняга, отравился в парке”⁴¹.

И.М. Гревс, на которого гибель Шайтана произвела тяжкое впечатление, возможно, испытывал и некое чувство вины. Он знал, что в семье были нервные заболевания, но, видимо, не мог предположить такого исхода. Он подготовил к печати и опубликовал статью Шайтана “Германия и Киев в XI в.”, предпослав ей некролог. Некролог написан с большим чувством, подлинной скорбью, и за скупыми биографическими фактами многое остается покрытым некоей тайной.

«М. Э. занимался историей Каролингского Возрождения, ирландских влияний в европейской культуре VIII–XII веков и вопросами начал и форм городского движения в Западной Европе. По-прежнему много времени он должен был отдавать среднешкольному преподаванию, в которое вносил выдающийся педагогический талант и подлинный энтузиазм. Но все свободные часы он посвящал науке.

За эти годы труда, в котором изумительны его строгая непрерывность, безупречный метод и сосредоточенный жар, тем более, что внешняя обстановка жизни и перегруженность делом ради заработка мало им благоприятствовали, М.Э. Шайтан выработал из себя настоящего глубокого знатока избранных областей. В магистерском коллоквиуме, сданном им по истории средних веков, незадолго до отмены этого типа испытаний, он обнаружил громадные познания в источниках, как и в литературе предмета, совершенно зрелое отношение к изученным вопросам и оригинальную их разработку.

Из личных исследований в этой области им написаны: “Проблема свободы в каролингской монархии” (развитие системы Иоанна Эриугены), “К учению Готшалка”, “Христина из Штомельна”. Все эти этюды вполне подготовлены к печати, также как и переводы трех “книг” Эриугены и ряда других большой трудности средневековых текстов. В переводах этих, частью стихотворных, М. Э. Шайтан обнаружил замечательное знание языка и стиля подлинника. {...}

Но та большая задача, которая захватила его на первых шагах его самостоятельных исканий, осталась самой глубокою любовью его жизни, недолгой, но полной научного подвижничества и уже богатой результатами. В упорном исследовании, том за томом, собраний латинских хроник и грамот и изданий памятников археологии IX–XII веков, проблема связей Запада и Киевской

Руси получала все более определенные очертания. Первый этюд этого исследования, доложенный автором в заседании разряда Российской Академии Истории Материальной Культуры, привлек внимание специалистов, как западной, так и русской истории. Единодушно высказанное ими пожелание видеть работу М.Э. в печати осуществляется в настоящем издании.

В несколько иной форме сделанное М.Э. изложение своих выводов было им послано в "Historische Zeitschrift". Ее редактор, Meinecke, отозвался на него сочувственным письмом, ставя принятию статьи М.Э. условия некоторых внешних изменений, вызываемых типом издания.

Ответить на эти требования автор уже не мог. Внезапная смерть 2 мая 1926 г., в трагических личных обстоятельствах, поставила точку на его жизни и полной надежд работе.

В его лице наука западного и русского средневековья лишилась работника уже вполне зрелого, исследователя редкой энергии и большого, оригинального таланта. Его учителя, товарищи и ученики потеряли в нем человека безупречной чистоты и благородства; человека с большим сердцем, полным светлой любви к жизни и людям»⁴².

Гревсу выпала и тяжелая обязанность сообщить о трагедии в Крым матери Шайтана, и она ответила ему письмом⁴³.

«Многоуважаемый Иван Михайлович!

На днях я получила Ваше милое письмо и не знаю, право, как мне благодарить Вас за бесконечные слова утешения и соболезнования по поводу преждевременной смерти моего горячо любимого и горячо любившего меня Михаила Эммануиловича. Смерть этого сына, конечно, повлияла на меня чрезмерно, да и не могла не повлиять, ибо он был, действительно, редкое по доброте и незлобности существо, добрый, всепрошающий, он, как вижу, был любим всеми, кто его знал. Поэтому, я глубоко и сильно скорблю. И, несмотря на то, что привыкла ко всякого рода горю, не могу, в данном случае сохранить душевного равновесия, хотя признаю, что каждый человек должен сам искать утешения в горе, ибо если он сам себя не утешит, внимая словам близких и друзей, то, конечно, вся жизнь потеряет свой смысл. Для меня лично большое утешение в том, что нашлись у него друзья, которые переживают вместе со мной, хотя разделять, хоть немного облегчить ужас несчастья, свалившегося на меня, и понимают всю глубину моей печали.

Да пошлет Господь душевный мир всем друзьям, выразившим искреннее соболезнование моему горю.

Меня особенно трогает Ваше желание познакомиться со всеми трудами Михаила Эммануиловича, и я не нахожу подходящих слов, чтобы выразить Вам достойно всю мою душевную благодарность за то, что Вы интересуетесь ими, а то я не знаю к кому обратиться с такой трудной просьбой. Вы же, высказав свое желание и интерес, облегчили всю мою задачу, ибо я знаю, что никто больше

не сможет, как должно, отнестись к этому серьезному делу. Я сегодня пишу племяннику моему Семену Исааковичу письмо, чтобы он беспрепятственно дал Вам все то, чем Вы интересуетесь, из трудов Михаила Эммануиловича.

Очень прошу Вас передать Вере Петровне Герман, что я всегда рада видеть ее, так как мои чувства к ней становятся все более и более близкими, и я ясно представляю себе состояние ее души и все испытанное после кончины нашего дорогого Михаила Эммануиловича.

Еще раз благодарю Вас и прошу прощения за беспокойство, причиняемое Вам моей просьбой.

Примите мои лучшие пожелания, остаюсь уважающая Вас

А. Шайтан”

К сожалению, либо Гревс не смог получить труды Шайтана, либо они погибли с частью его архива – неясно. Во всяком случае, никаких следов обнаружить не удалось. Определенно – это большая потеря. Судя по опубликованным работам Шайтана, несомненно, что это был ученый большого дарования. Как сложилась бы его судьба, если бы не личная трагедия?

Скорее всего, он бы прошел путь многих своих ровесников и коллег, которые были арестованы и попали в лагерь. Из тех, кто не был уничтожен, часть смогла вернуться к жизни и науке, другая уже никогда не смогла оправиться. В 1929 г. В.П. Герман была арестована, сослана в Соловецкий лагерь. Вскоре она вышла замуж⁴⁴.

В 1942 г., в разгар войны, Александра Дмитриевна Люблинская, получившая известие о гибели своего ученика Г.И. Йодко, писала мужу: “Какая злая ирония судьбы в том, что погибают для жизни и науки самые лучшие! Всеволод погиб, а Гука процветает и Наташа ⟨...⟩ защитила никчемную диссертацию. Погиб Шайтан, но действовала тетя Мася. Погиб Жора, но спаслись посредственности ⟨...⟩ Горько за себя, горько за советскую науку”⁴⁵.

¹ См., например: *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Париж, 1937. 4-е изд. Киев, 1991; *Рамм Б.Я.* Папство и Русь. М.; Л., 1959; *Пауцто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989; *Назаренко А.В.* О династических связях сыновей Ярослава Мудрого // Отечественная история. 1994. № 4/5. С. 181–194; *Вернадский Г.В.* История России. Киевская Русь. Тверь; М., 1996; *Флоря Б.Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.) // Исторический вестник. 1999. № 2. С. 63–84.; *Корандей Ф.С.* Паломничества в раннесредневековой ирландской традиции. Тюмень, 2005 (дис.).

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 182. Л. 7.

- ³ См. в частности: *Хоружий С.С.* Жизнь и учение Льва Карсавина // Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения. М., 1992. Т. 1. С. V–LXXIII; *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX в. СПб., 2007.
- ⁴ *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв., преимущественно в Италии. Пг., 1915; *Он же.* Культура Средних веков. Пг., 1918.
- ⁵ Цит. по: Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Автор-сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. С. 279.
- ⁶ Откровения бл. Анджелы / Пер. и вступ. ст. Л.П. Карсавина. М., 1918. С. [II].
- ⁷ Там же. С. 55–56.
- ⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 182.
- ⁹ *Гревс И.М.* М.Э. Шайтан // Летопись занятий Постоянной Историко-Археологической Комиссии. Л., 1927. Вып. I (XXXIV). С. 1.
- ¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 182. Л. 15. В этом же отчете Шайтан указывал, что первые три книги трактата были переведены самим Л.П. Карсавиным. К сожалению никаких следов этого перевода обнаружить не удалось. Скорее всего, он не сохранился.
- ¹¹ *Patrologiae cursus completus. Series latina* / Ed. J.P. Migne. Joannis Scoti Opera quae supersunt omnia... P., 1853. Vol. CXXXII.
- ¹² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 182. Л. 18.
- ¹³ Там же. Л. 18–19.
- ¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 182. Л. 14.
- ¹⁵ Там же. Л. 21.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ От редакции // Средневековой быт: Сб. ст. / Под ред. О.А. Добиаш-Рожественской, А.И. Хоментовской и Г.П. Федотова. Л., 1925.
- ¹⁸ Шайтан М.Э. Ирландские эмигранты в Средние века // Средневековой быт. С. 179–205.
- ¹⁹ “De relinquenda vel docenda patria: Prius docenda est patria, juxta exemplum Domini, relinquenda autem postea, si non proficiet, juxta exemplum Apostoli”.
- ²⁰ Шайтан М. Э. Ирландские эмигранты в Средние века. С. 180.
- ²¹ Там же. С. 182.
- ²² Там же. С. 183.
- ²³ Там же. С. 204.
- ²⁴ *Шайтан М.Э.* Германия и Киев в XI в. // Летопись занятий Постоянной Историко-Археологической Комиссии. Л., 1927. Вып. I (XXXIV). С. 3–26. Эта, не вполне завершенная статья была опубликована И.М. Гревсом после смерти автора.
- ²⁵ Там же. С. 6–7.
- ²⁶ Там же. С. 7.
- ²⁷ Там же. С. 16.
- ²⁸ Там же. С. 17.
- ²⁹ Там же. С. 19.
- ³⁰ Там же. С. 22.
- ³¹ См.: *Вольфшун Л.Б.* От Корбийского скриптория до века Просвещения. СПб., 2008.
- ³² Из протокола допроса А.Д. Люблинской от 19 февраля 1929 г. Цит. по материалам архива редакции “Ленинградского мартиролога”.
- ³³ ОР РНБ. Ф. 1091. Д. 177. Л. 83.
- ³⁴ *Ботвинник М.М.* У цели. М., 1997. С. 9.

- ³⁵ *Федотова Е.* Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г.П. Лицо России. Париж, 1988 (2-е изд. С. XIII).
- ³⁶ Точную дату их брака установить не удалось. По документам Института им. А.Н. Веселовского, в которых Н.Д. фигурирует сначала под фамилией Гревс, затем Гревс-Шайтан и наконец Шайтан, можно предположить, что она вышла замуж в конце 1922 или начале 1923 г.
- ³⁷ В 1924–1930 гг. Н.Я. Марр был директором Гос. Публичной библиотеки.
- ³⁸ *Яснов М.* К истории перевода и публикации “Орлеанской девственницы” в России // Вольтер. Орлеанская девственница. СПб., 2003. С. 430.
- ³⁹ См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 2. Российская Публичная библиотека – Государственная Публичная библиотека в Ленинграде 1918–1930. СПб., 1999. 704 с.
- ⁴⁰ *Федотова Е.* Георгий Петрович Федотов (1886–1951). С. XIII.
- ⁴¹ *Ботвинник М.М.* У цели. М., 1997. С. 9.
- ⁴² Летопись занятий Постоянной Историко-Археографической Комиссии. Вып. I (XXXIV). С. 1–2.
- ⁴³ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 331. Л. 1–2 об.
- ⁴⁴ *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 342.
- ⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 1268. Письмо А.Д. Люблинской В.С. Люблинскому от 24. 05. 1942. В письме упоминаются В.В. Бахтин, М.А. Гуковский, Н.В. Инфимовская, М.А. Тиханова-Клименко, Г.И. Йодко.